

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.24>

Чудинов Сергей Иванович

Онтологические аспекты формирования революционного подполья в произведении Ф. М. Достоевского "Бесы" в свете социально-философской концепции соборности С. Л. Франка

Целью исследования является раскрытие онтологической сущности революционного подполья, изображенного в романе "Бесы". Автор изучает это подполье как антидуховную и антисоциальную систему, разрушающую социум как органическое целое с помощью "экзистенциально-мировоззренческого экстремизма" (на уровне деструкции духовных ценностей). Научная новизна заключается в том, что предпринимается систематический анализ онтологических аспектов структуры революционного подполья на материале романа "Бесы" с привлечением концептуальных положений "теории соборности" С. Л. Франка. Результаты исследования показывают, что Достоевский раскрыл революционное подполье как слабо интегрированное и связанное страхом и принуждением образование, подменяющее соборные начала социума социально-онтологической пустотой, в котором главным орудием поэтапной деструкции общественной системы выступает экстремизм против священных (духовно-нравственных) начал социума ("экзистенциально-мировоззренческий" экстремизм).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/24.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 125-130. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Developing Social-Philosophical Basis to Study Social Virtuality of Network Community

Sayapin Vladislav Olegovich, PhD
Derzhavin Tambov State University
vlad2015@yandex.ru

The research objective includes developing an appropriate theoretical and methodological basis to explicate constantly changing social virtuality of the network community. The paper examines formation of convergent methodology as a means to implement a multidimensional social-philosophical analysis of the Internet technologies influence on the modern society. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time proposes convergent methodology based on N. Luhmann's systemic-functional approach and M. Castells's network approach. The conducted research allows concluding that social virtuality of the network community, its artificial world of mediated virtual communications serve to transfer virtual subjects' perceptions, social experience and social behaviour models. It is shown that in social virtuality, virtual subjects' statuses and roles are identified only by their network position – a channel of virtual communication.

Key words and phrases: social virtuality; network community; virtual communication; systemic-network approach; N. Luhmann; M. Castells.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.24>

Дата поступления рукописи: 12.08.2020

Целью исследования является раскрытие онтологической сущности революционного подполья, изображенного в романе «Бесы». Автор изучает это подполье как антидуховную и антисоциальную систему, разрушающую социум как органическое целое с помощью «экзистенциально-мировоззренческого экстремизма» (на уровне деструкции духовных ценностей). Научная новизна заключается в том, что предпринимается систематический анализ онтологических аспектов структуры революционного подполья на материале романа «Бесы» с привлечением концептуальных положений «теории соборности» С. Л. Франка. Результаты исследования показывают, что Достоевский раскрыл революционное подполье как слабо интегрированное и связанное страхом и принуждением образование, подменяющее соборные начала социума социально-онтологической пустотой, в котором главным орудием поэтапной деструкции общественной системы выступает экстремизм против священных (духовно-нравственных) начал социума («экзистенциально-мировоззренческий» экстремизм).

Ключевые слова и фразы: философия Ф. М. Достоевского; соборность; революционное подполье; экзистенциально-мировоззренческий экстремизм; социальная философия С. Л. Франка.

Чудинов Сергей Иванович, к. филос. н., доц.

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск
personally@ngs.ru

Онтологические аспекты формирования революционного подполья в произведении Ф. М. Достоевского «Бесы» в свете социально-философской концепции соборности С. Л. Франка

В ниже представленном исследовании мы обратимся к произведению Ф. М. Достоевского «Бесы» как источнику знаний о закономерностях формирования, функционирования и внутреннего содержания социальных форм, связанных с зарождением подпольных революционных организаций и деструктивных сообществ. *Актуальность* философско-художественного наследия писателя, вскрывающего онтологические и духовные аспекты организации революционного подполья в среде русской леворадикальной интеллигенции конца 1860-х – начала 1870-х гг., заключается в том, что оно помогает понять глубинные мотивы метафизического бунта и принципы организации деструктивных движений. Нигилизм как духовное явление с тех пор приобрел более разнообразные социокультурные формы, еще больше оторвавшись от политической идеологии. Эфемерные сетевые структуры, нацеленные на деструкцию органических начал социальности, в том числе обрели форму виртуальных девиантных сообществ. Произведения Достоевского позволяют объяснить подлинные мотивы такого бунтарства и сформулировать принципы духовно-нравственного противодействия распаду органических начал социума. Практическое значение полученных ниже результатов исследования может заключаться в разработке эффективной профилактики радикализации сознания современной молодежи через популяризацию классических произведений русской литературы.

Новизна нашего скромного исследования заключается, во-первых, в задаче развертывания систематического социально-философского анализа сущности онтологических аспектов структуры революционного подполья, изображенного в романе «Бесы»; во-вторых, в привлечении концептуальных положений «теории соборности» С. Л. Франка, во многих моментах конгениальной философскому мирозерцанию самого

Достоевского, для решения этой задачи. Целью теоретического анализа является раскрытие онтологической сущности революционного подполья как антидуховной и антисоциальной системы, стремящейся фальсифицировать социум как органическое и духовное образование. Это, в свою очередь, позволит нам более полно раскрыть понятие экзистенциально-мировоззренческого (или антидуховного) экстремизма (форма деструктивной социальной деятельности, где объектом являются духовные ценности в сознании человека и духовно-метафизические связи между людьми) [9, с. 29], которое, согласно глубокому убеждению автора, применимо для обозначения целой группы деструктивных социальных феноменов, включая деятельность революционно-народнических (террористических) движений в дореволюционной России.

В своем исследовании мы поставим несколько *задач*: 1) создание концептуально-методологической основы интерпретации произведения Достоевского путем разбора основных понятий социально-философской «теории соборности» С. Л. Франка и выявления тех аспектов, в которых она созвучна мирозерцанию Достоевского и способна стать путеводной нитью в деле глубокого понимания наследия писателя; 2) раскрытие сущности социально-деструктивной деятельности революционного подполья, изображенной в романе «Бесы», выявление приоритетных мотивов революционеров; 3) исследование социально-онтологических аспектов социальных связей и сетевой структуры, складывающейся вокруг участников революционного кружка; 4) краткая характеристика духовно-нравственных типов участников подполья, среди которых особое место мы отведем криминальному элементу.

Среди авторов, повлиявших на формирование *теоретической базы* нашего исследования, особую роль занимают представители и преемники русской религиозной философии, транслирующие идеи христианской антропологии. Помимо центрального для нашей статьи С. Л. Франка, здесь следует упомянуть Н. А. Бердяева с его идеей укоренения социальной революции в «духовной подпочве» [2, с. 18], В. Ш. Сабирова и О. С. Соину, осуществивших философско-антропологический анализ «падших сознаний» в творчестве Достоевского [7]. Исследование Р. Лаута [6] помогает нам в интерпретации социально-философских взглядов писателя как целостной системы. При характеристике духовно-нравственных типов участников революционного подполья мы берем за основу выводы, сделанные с позиций богословского подхода Д. Барсотти [1], а также этического анализа Ю. Н. Давыдова [3]. При анализе социально-деструктивных явлений и форм экстремистского сознания, изображенных в произведении Достоевского, мы опираемся на персоналистический подход, герменевтический и феноменологический *методы*.

Результаты нашего исследования художественно-философского наследия Достоевского (выявление духовно-ценностной сферы как ведущей мишени деструктивной деятельности революционно-народнического подполья; структурирование самого подполья в качестве организации, фальсифицирующей соборные начала социума; выделение носителей нигилистического сознания в качестве наиболее опасных разрушителей органических связей социума) обладают *теоретической значимостью* в плане более детального раскрытия сущности революционно-народнического подполья в качестве антидуховного и антисоциального движения. Это, в свою очередь, приводит к возможности более расширенной трактовки экстремизма как теоретического концепта, включая в него деструктивные явления на уровне духовно-ценностном, что может иметь большое значение в усовершенствовании практики социокультурной профилактики радикализации сознания групп риска (молодежь, социокультурно маргинализованные сообщества) в условиях современного общества, где нигилистические тенденции еще более сильны, чем во времена становления революционно-террористического движения в России.

Произведение великого русского писателя рисует перед нами картину жизни общества одного губернского города, в котором разворачивается сеть подпольного революционного движения. Осмысляя современные ему исторические реалии, а именно появление и развитие нечаевской организации, Достоевский рассматривает социальные явления в свете взаимоотношений человеческого и абсолютного, метафизических истоков революционного сознания как aberrаций веры и богоборческого мирозерцания.

Социально-философским ориентирам восприятия социальной жизни у Достоевского во многом созвучны идеи, высказанные классиком русской религиозной философии С. Л. Франком в его философском исследовании, написанном после революции в условиях эмиграции [8]. Главная мысль социальной теории Франка сводится к определению социального бытия в качестве духовного бытия. При этом персоналистическая установка Франка, а именно восприятие личности и ее духовной жизни как исходной основы социальной реальности, совпадает с воззрениями Достоевского на природу социального.

Рассматривая общее понятие социума, Франк критикует номиналистическую (позитивистскую) социально-философскую позицию, основополагающую для социологии XIX – начала XX в. Согласно ей исходным субъектом социального бытия выступает индивид, а социальные явления выступают в качестве продукта стихийного пересечения множества воли и интересов отдельных людей. Франк именуется ее «социальным атомизмом» или «сингуляризмом» [Там же, с. 64]. Впрочем, аналогичному осуждению в качестве иной крайности подвергается и теоретическая установка, сводящая общественную жизнь к надчеловеческим и отвлеченным от конкретно-исторической жизни народов субстанциальным началам, что именуется социальным «универсализмом» [Там же, с. 72] или «отвлеченным социальным идеализмом» (в духе гегелевской онтологии) [Там же, с. 144].

Сущность социума согласно дефиниции русского философа определяется так: «Общественная жизнь есть... духовная жизнь как единство человечески-сверхчеловеческого бытия» [Там же, с. 146]. К сверхчеловеческому измерению, как бы «неразлучно и неслиянно» переплетающемуся, согласно мысли философа,

с человеческим измерением, относится несколько аспектов. Это онтологические сущности в духе платонизма («объективные идеально-формирующие сверхчеловеческие идеи»), задающие идеал-образец и служащие основой интеграции людей в различные социальные формы или единства [Там же, с. 136, 146]. Высшей из таких идей выступает «общественный идеал» [Там же, с. 22]. При этом в платонизм вводится элемент субъективизма – единство людей строится на добровольном телеологическом подчинении идее-идеалу, которая, в свою очередь, является «интегральным моментом коллективной человеческой жизни», «творится самими людьми, вырастает из их совместной, коллективной жизни и укоренена в ней» [Там же, с. 140].

Другим сверхчеловеческим аспектом социальной реальности выступают ее трансцендентные истоки. Общество, как метафорически утверждает Франк, есть «система божеств или божественных сил, некий пантеон, в котором выражается данная стадия или форма человеческого отношения к Божеству...» [Там же, с. 147]. Только через обращение к вечным началам бытия, осмысление и переживание их в имманентных конкретному народу мироощущении и социокультурных формах социальная организация переходит от механического объединения к органической и цельной общности (соборности). При этом «подлинная реальность Бога» как бы преломляется сквозь реальность субъективно-человеческую и в той или иной степени неизбежно искажается [Там же]. Соборные начала общества Франк также именуется «церковью», понятием, которое берется в максимально широком смысле – в качестве объединения на основе почитания тех или иных святых [Там же, с. 191].

Мирозерцание Франка в части социально-философских воззрений крайне родственно философии Достоевского. Прежде всего, Достоевский считает именно личность и ее внутреннюю духовную жизнь основой всякой социальности и устройства общества. Через добрые дела личность, реализующая свободу и нравственную ответственность, вступает в социальную связь с другой личностью, что ведет ее «к соединению с другим существом или самим Богом» [6, с. 359-360]. Достоевский выступает прямым критиком «теории социальной среды» (ставшей одной из социально-философских предпосылок учения социализма XIX в.) с позиции христианской антропологии. В случае вопроса о виновности и нравственной ответственности преступника писатель утверждает в «Дневнике писателя» (1873 г.), что последняя признает давление среды и провозглашает милосердие к согрешившему, но вменяет человеку в качестве «нравственного долга» «борьбу со средой» [4, с. 54].

Так же как и Франк, Достоевский, подчеркивая момент неизбежного антагонизма между личностью и общественностью [Там же, с. 33], воспринимает такие крупные социальные единицы, как «народ», в смысле метафизического единства или духовно-социального образования. Народ как единое целое, согласно реконструкции воззрений Достоевского в интерпретации Лаута, образуется на основе идеи, которая «его объединяет и которой он захвачен». Подлинная сущность народа вытекает из веры в Бога, хотя иногда ее могут подменять вера в идолов или абстрактные идеи [6, с. 370]. Эту мысль во многом повторяет Франк в своей философии, где «церковные» (соборные) начала социума могут приобретать аберрационную форму в виде откровенно идолопоклонства или даже атеизма, все же сохраняя слабый или извращенный «отблеск» «самого Божества в человеческих сердцах» [8, с. 191]. Не случайно разрушение социума и выпадение его из естественно-исторического континуума в романе «Бесы» представлено как активный нигилизм, развенчание сакральных начал социального и, в конце концов, как попытка противоборства с самим Богом. Таким образом, Достоевский, так же как и Франк, разделяет представление о социальной реальности как духовной реальности, укорененной в трансцендентных онтологических истоках. Эта общность социально-философских установок Достоевского и Франка, принадлежащих к одной духовно-культурной традиции, поможет нам в дальнейшем несколько глубже раскрыть социально-философские смыслы, которые заложены в творчестве великого русского писателя.

В романе «Бесы» излагается довольно широкий по средствам и поэтапный план дестабилизации общественного порядка в политическом и социокультурном плане вплоть до создания ситуации искусственно стимулированного народного бунта. Этот план (авторство которого принадлежит Верховенскому) изложен в речи Шигалева на заседании тайного революционного общества, на котором принимается решение убить Шатова. Согласно ему предполагается, чтобы революционеры «развивали картину России, покрытой бесконечной сетью узлов. Со своей стороны, каждая из действующих кучек, делая прозелитов и распространяясь боковыми отделениями в бесконечность, имеет в задаче систематическую обличительную пропагандой беспрерывно ронять значение местной власти, произвести в селениях недоумение, зародить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего и, наконец, действуя пожарами, как средством народным по преимуществу, ввергнуть страну, в предписанный момент, если надо, даже в отчаяние» (курсив наш. – С. Ч.) [5, с. 418].

Как мы видим, по Достоевскому, программа леворадикального (преимущественно революционно-народнического по своему духу) движения отнюдь не сводится к одним политическим инициативам. Упадок нравов и введение общества в состояние духовно-нравственной аномии являются важнейшим пунктом этой программы. Причем все эти внешне аполитичные и по большей части, казалось бы, невинные, но значимые в духовно-нравственном отношении символические информационно-психологические атаки (за исключением завершающей стадии в виде поджога) напрямую нацелены как минимум на две «первично-органические формы» соборности из трех, выделенных Франком, к которым отнесены семья, религиозная жизнь и «общность судьбы и жизни всякого объединенного множества людей» [8, с. 108-113]. Атака на чувство исторической общности заменена здесь подрывом авторитета власти, олицетворяющей государственное начало, которое внешне скрепляет общество и поддерживает историческую память и общность исторической судьбы.

В романе показана попытка практического воплощения вышеописанного плана (главы «Пред праздником», «Праздник. Отдел первый», «Окончание праздника»). Сначала при попустительстве губернской власти

(в лице семьи «Лембков») местная общественность, преимущественно молодежь, была вовлечена в перманентную *десакрализацию* общественных устоев и *карнавализацию* общественной жизни, нацеленную на подрыв духовных и нравственных начал, с чем прекрасно справились такие заводилы, как беспринципный Лямшин. Атака на семью и сакральность брачно-семейных ценностей излагается в истории про публичное осмеяние молодой семейной пары со стороны членов кружка тайного общества. То, что началось с разрушения нравов, достигает своей кульминации в символическом осквернении святынь. Поругание церкви наиболее ярко изображено в сюжете про подкинутую мышь к ограбленной иконе Богоматери [5, с. 253].

Далее подрывается авторитет власти на празднике для местной общественности (организованном женой губернатора), в ходе приготовления и осуществления которого губернатор доводится до полубезумного состояния, а само содержание мероприятия из проникнутого либерально-демократическим духом превращается в скандальное и дискредитирующее репутацию местных органов власти. Кульминация этой цепи событий наступает при организации внезапных поджогов в окрестностях города.

Далее мы остановимся на вопросе метафизических аспектов формирования и структурирования революционного подполья. Сетевая структура, которую пытается сформировать Верховенский фактически одними своими силами, представляет собой антисоциальную систему, ориентированную на десакрализацию общественно-культурной жизни и деструкцию онтологических начал социального, разрушение истоков общности в локальном социуме.

Примечательно, что Достоевский не один раз обращает внимание читателей на то, что именно *духовно-негативное противоборство* (этот термин здесь более уместен, чем идеологическое противоборство, поскольку идеология, по сути, лишь в малой степени используется Верховенским для инициирования «крестового похода» против устоев и онтологических основ общества), или *экстремизм* против *священных начал* социума, является самым глубинным и несущим наивысшую опасность уровнем развязывающейся войны со стороны революционно настроенных бунтарей.

В одном из фрагментов сочинения Франка выражена мысль о демонизации общественных форм даже при пассивной утрате связи с абсолютным онтологическим началом [8, с. 147]. В романе же Достоевского мы обнаруживаем активное действие злой воли, реализацию поэтапного плана фальсификации нравственных и духовных основ социума. Это позволяет нам обозначить искусственно формируемое и крайне эфемерное объединение подпольных людей «антицерковной» общностью в онтологическом смысле. При этом в данной общности уже зарезервировано место для харизматического лидера (занимающего ее символический центр) и предполагается жесткая иерархия – разделение на узкую группу «господ» и широкий круг подчиненных «рабов».

Извращая соборные начала социума, сообщество участников революционного подполья само не представляет собой единства, но иллюстрирует подмену органических социальных форм фальсифицированными, деонтологизированными формами общественности. Каждый из членов кружка представляет собой крайне изолированную в экзистенциальном отношении сущность, находится в монадическом состоянии. Каждый из них, претендующий на интеллектуализм, одержим собственной аберрационной, воспринимающейся в качестве спасительной, «идеей» («маньяк», одержимый идеей самоубийства, Кирилов, народник с религиозно-аберрационным чувством Шатов, основатель собственной социальной утопии Шигалев и пр.). Многие примечательные члены сообщества открыто демонстрируют свою автономность и декларируют в кругу «своих» лишь косвенную личную причастность или же фактический разрыв с деятельностью революционной организации (Ставрогин, Кирилов, Шатов). Основой крайне слабых социальных связей с подпольной организацией зачастую выступает нравственная ответственность в виде чувства долга и обязательств, которые когда-то были добровольно приняты при вступлении в организацию или во время пребывания в ней (к примеру, Кирилов).

Об изначальной слабости социальных уз между членами кружка свидетельствует тот факт, что Верховенский на протяжении всего романа совсем не апеллирует к революционному энтузиазму и каким-либо идеологически обусловленным чувствам соратников, но воздействует на их поведение в нужном для себя направлении через выявление, по его собственному выражению, «точек» [5, с. 322], т.е. чувствительных для данной личности мотивов, давление на которые может заставить действовать объект так, как это нужно манипулятору. При этом он играет на разного рода стимулах, переходя от позитивных (сулящих то, чего человек вожделеет, удовлетворение каких-либо его нужд или желаний), если они не действуют, к негативным стимулам (внушающим страх личной ответственности и наказания).

Верховенский выступает единственным подлинным организационным центром (что соответствует устройству исторического прототипа – созданной Нечаевым «Народной расправы»). Но он экзистенциально одинок еще в большей степени, нежели все остальные члены сообщества [1, с. 93], включая даже Ставрогина. Он живет только одной страстью к разрушению социума, дестабилизации его онтологических основ, введению в хаотическое состояние и разврат, переходное состояние полной духовно-ценностной аномии (которое должно длиться не менее одного-двух поколений [4, с. 325]). Если Ставрогин, будучи нигилистической личностью и дальше всех углубившийся в меонический мир духовного зла и «нигилистического разврата» [3, с. 171-173], все же сохраняет нити в социальном мире, балансируя на грани раскаяния и страсти к осквернению божественных начал (что показывают сюжеты его доверительного общения с Дарьей и диалог со святым Тихоном), то Верховенский полностью погружен в репрессивную страсть к разрушению как социального порядка, так и духовных его основ.

В итоге социальные узлы, которые складываются между Верховенским и его «соратниками», держатся преимущественно на негативных стимулах. Его образ действий и способ достижения благоприятного для себя результата – это постоянно плести «сети» вокруг всех могущих чем-либо быть полезными «для дела».

Так, к примеру, он пытается поставить под контроль даже самого неуправляемого и непредсказуемого персонажа – Ставрогина, который единственный среди всех подпольщиков способен преступить все возможные законы, как человеческие, так и божественные.

Достоевский весьма прозорливо показывает внутреннее перерождение общества заговорщиков из слабо интегрированного сообщества идеалистов в пожирающую саму себя социально-онтологическую пустоту. Цинизм и деспотический стиль руководства Верховенского в итоге приводит даже самых верных сторонников, таких как фюрерист Липутин, к внутреннему отречению от лидера. Характерно показана писателем психология внутреннего переворота Липутина, который считал себя наиболее доверенным лицом Верховенского. Накануне убийства Шатова он начинает яростно ненавидеть Верховенского и даже готов при удобном случае убить своего деспотического предводителя.

Достоевский, рисуя различные типы участников общественного подполья и заговорщической деятельности, удивительно четко их дифференцирует и определяет место каждого в общей картине этого крайне разнородного и слабо соединенного антисистемного объединения. Большая часть заговорщиков входит в круг нигилистов, одержимых различными аберрационными идеями [7, с. 21-23]. Среди них мы обнаруживаем и аристократический, и разночинский социальные элементы, преимущественно радикально настроенную интеллигенцию [10, с. 199-201]. В эту своеобразную структуру входит и криминальный элемент, выступающий удобным орудием осуществления преступлений и убийств. Он представлен в лице Федьки Каторжного, который уникально выделяется из всего сборища подпольных людей тем, что он не является нигилистом. Он представляет собой довольно сложный образ и духовно-нравственный тип девиантной личности.

Несмотря на свою этическую беспринципность и глубокое духовно-нравственное падение, крайнюю социальную маргинализацию (беглый преступник, не имеющий даже фальшивого паспорта), он тем не менее не выпадает полностью из локального общественного бытия. У него есть свои нравственные границы вольного и эгоистически мотивированного действия (включая покушение на благосостояние и жизнь других людей), в отличие от его деспота-визави – Верховенского. Более того, он до определенной степени сохраняет свою внутреннюю связь и причастность к людям местного сообщества и к духовной основе, поддерживающей социальный соборный «организм». Так, в своей последней, исповедальной по своей сути речи, обращенной к Петру Верховенскому, он признается, что не смеет поднять на последнего руку, несмотря на нескрываемое презрение к его личности, только из-за того, что он, вышедший из крепостных Степана Трофимовича [5, с. 181], «еще отроком бывши», носил на руках Верховенского-младшего в его младенчестве [Там же, с. 428]. Слабую нить в виде памяти о своем происхождении и органической связи с родным для него обществом (хоть и оставшейся в прошлом) он не разывает, но хранит как нечто значимое и бесценное, сохраняющее его статус в качестве живой личности в реальном социальном бытии (несмотря на его фактическое одиночество и «сиротство»). Того же нельзя сказать в отношении противостоящего ему Верховенского, который фактически отрекся от своего отца, более того, попытался его вовлечь в свой план разрушения социума в качестве такого же человеческого «материала», в который он обратил всех своих податливых революционных соратников.

Разбойник и грабитель церквей, казалось бы, парадоксально признается в надежде на прощение своих тяжчайших грехов, объясняя свое поведение крайне униженным и безвыходным положением и оправдывая себя сохранением веры в Бога и сокровенным раскаянием в душе своей («...может, и моя слеза пред горнилом Всевышнего в ту самую минуту преобразилась, за некую обиду мою, так как есть точь-в-точь самый сей сирота, не имея насущного даже пристанища») [Там же]. Более того, следуя логике финальной апологетической речи Федьки, выходит, что даже его тяжчайшие грехи (убийства и грабеж святынь) уступают чисто символическому «преступлению» со стороны Верховенского, нарушающего пределы божественного закона: «А ты пустил мышь, значит, надругался над самым Божиим перстом» [Там же].

Таким образом, Достоевский, сравнивая и оценивая различные преступления, на чаши весов ставит те тяжкие грехи, которые обрел Федька в течение своей криминальной карьеры, и всего лишь «мышь», и перевес остается, по всей видимости, не на первой стороне. Тяжесть, казалось бы, чисто символического преступления заключается в том, что она ведет к попытке разрыва органики социального бытия, открытию зияющей онтологической пустоты, в которую планируют увлечь неопределенное множество человеческих душ.

Выводы

Роман «Бесы» представляет глубокий философский анализ социально-онтологических истоков формирования и структурирования революционно-народнического подполья. Привлечение социально-философской концепции Франка, во многом созвучной мирозерцанию Достоевского, позволило дать интерпретацию деятельности революционеров как покушения в первую очередь на начала соборности, соединяющие социум в цельный организм. При раскрытии сути и последствий практической реализации плана поэтапной деструкции общественной системы, который лежит в основе таких нигилистических движений, как нечаевщина, Достоевский показал, что активность революционного подполья в царской России носила характер экзистенциально-мировоззренческого экстремизма, нацеленного на подрыв духовно-нравственных оснований социума и десакрализацию его святынь. Политический дискурс и политические идеалы здесь имеют совершенно второстепенный характер. Метафизический переворот, в свою очередь, способен открыть врата для реальной исторической и социальной катастрофы, подменяя любые органические социальные связи эфемерными связями «подполья» как антидуховного и антисоциального образования.

Самая система революционного подполья представляет собой организацию, построенную на фальсифицированных, деонтологизированных основаниях. В этой своеобразной внутренне дезорганизованной,

но спянной страхом и принуждением структуре Достоевский вырисовывает множество отдельных духовно-нравственных типов участников подполья. Среди них выделяется криминальный элемент в лице Федьки Каторжного, который уникален тем, что, несмотря на глубину социальной маргинализации и нравственного падения, занимает пограничное положение между порвавшими связь с соборными началами социума нигилистами и местной общественностью.

Достоевский, рисуя колоритный образ революционного подполья, доводит до крайних возможных пределов развития те антиномичные предпосылки его устройства, которые в нем заложены. Как утверждает Бердяев, Достоевский «выявляет последние начала» [2, с. 135]. Поэтому его изображение несколько отличается от реально существовавших в его время русских революционных и террористических организаций. Однако последующее развитие революционного движения в монархической России лишь подтвердило справедливость прозрений и выводов Достоевского.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-90001\19.

Список источников

1. Барсотти Д. Достоевский. Христос – страсть жизни. М.: Паолине, 1999. 249 с.
2. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 238 с.
3. Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии. М.: Мол. гвардия, 1982. 287 с.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1974. Т. X. Бесы. 519 с.
6. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / под ред. А. В. Гулыги; пер. с нем. И. С. Андреевой. М.: Республика, 1996. 447 с.
7. Соина О. С., Сабиров В. Ш. Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского: монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 312 с.
8. Франк С. Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. Paris: YMCA Press, 1930. 311 с.
9. Чудинов С. И. Экстремизм в глобальном обществе риска: монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 168 с.
10. Чудинов С. И., Соина О. С. Нигилистические типы личности и экстремистское сознание в творчестве Ф. М. Достоевского (на материале романа «Бесы») // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 197-201.

Ontological Aspects of Revolutionary Underground Formation in F. M. Dostoevsky's Novel "Demons" in the Light of S. L. Frank's Conciliarism

Chudinov Sergey Ivanovich, PhD

*Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Novosibirsk
personally@ngs.ru*

The paper aims to reveal ontological essence of revolutionary underground in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". Underground is considered as an anti-spiritual and anti-social system destroying the society as integral whole through "existential-ideological extremism" (at the level of spiritual values). Scientific originality of the study lies in the fact that relying on conceptual provisions of S. L. Frank's "conciliar theory", the researcher provides a systemic analysis of ontological aspects of revolutionary underground by the material of the novel "Demons". The findings indicate that revolutionary underground is described as a poorly integrated, fear-based structure that replaces conciliarism with socio-ontological vacuum in which extremism against sacred (spiritual and moral) principles of the society ("existential-ideological extremism") is a basic instrument of gradual social destruction.

Key words and phrases: F. M. Dostoevsky's philosophy; conciliarism; revolutionary underground; existential-ideological extremism; S. L. Frank's social philosophy.